

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему **«ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В
ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»**

Выполнил
Рогатин Максим Сергеевич,
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная деятельность,
2021 года набора, 121 учебного взвода

Руководитель
доцент кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук
Маликова Наталия Валериевна

К защите _____

Начальник кафедры _____

Дата защиты « ____ » _____

рекомендуется
рекомендуется / не рекомендуется

Латыпов В.С.

подпись
подпись

2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-правовые основы применения мер безопасности в досудебном производстве	5
§ 1. Понятие и классификация мер безопасности в уголовном процессе ...	5
§ 2. Нормативно-правовое регулирование применения мер безопасности на досудебных стадиях	10
§ 3. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства при применении мер безопасности.....	16
Глава 2. Практика применения мер безопасности в досудебном производстве	22
§ 1. Обеспечение безопасности свидетелей, потерпевших и других участников досудебного производства.....	22
§ 2. Меры безопасности в отношении подозреваемых и обвиняемых	27
§ 3. Анализ правоприменительной практики (по материалам территориального органа МВД России)	32
Глава 3. Проблемы и перспективы совершенствования мер безопасности на досудебной стадии	38
§ 1. Проблемы реализации мер безопасности в деятельности органов предварительного расследования	38
§ 2. Пути совершенствования института обеспечения безопасности участников досудебного производства.....	42
§ 3. Зарубежный опыт применения аналогичных мер безопасности и возможность его адаптации в Российской Федерации	46
Заключение.....	52
Список использованной литературы	55

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современная правоприменительная практика в России свидетельствует о постоянном возрастании угроз, направленных на участников уголовного судопроизводства. Свидетели и потерпевшие по-прежнему сталкиваются с угрозами убийством, насилием и уничтожением имущества со стороны лиц, заинтересованных в развале уголовного преследования. Особенно острой эта проблема становится в делах о преступлениях, связанных с организованной преступностью, коррупцией и наркотрафиком. Несмотря на наличие развитого законодательства об государственной защите и процессуальных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), практическая реализация этих механизмов отличается фрагментарностью и формализмом.

На досудебной стадии уголовного процесса, когда закладываются основы для будущего судебного разбирательства, система защиты особенно уязвима. Органы предварительного расследования нередко применяют меры безопасности без надлежащей оценки реальности угроз, используя при этом преимущественно узкий набор процессуальных средств защиты. Проблемной остается и недостаточная координация между различными органами, осуществляющими меры безопасности.

Существующее законодательство оперирует оценочными категориями («достаточные данные об угрозе»), что создает широкий простор для произвольного усмотрения должностных лиц и формализма при принятии решений. Кроме того, в практике наблюдается дисбаланс между процессуальными мерами защиты и механизмами государственной защиты, которые воспринимаются как исключительные, а не как обычные инструменты обеспечения безопасности. Все это порождает недоверие участников к системе защиты и снижает их готовность содействовать правосудию.

В этой связи комплексное исследование проблем и путей совершенствования системы мер безопасности на досудебной стадии

приобретает теоретическую и практическую значимость.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся при применении мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства на досудебных стадиях уголовного процесса.

Предмет исследования – теоретическое исследование и практика применения мер безопасности к различным категориям участников уголовного судопроизводства на этапах досудебного производства.

Целью исследования является исследование теоретико-правовых основ применения мер безопасности в досудебном производстве и выявление проблем и путей совершенствования рассматриваемого направления.

Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

- осветить понятие и классификация мер безопасности в уголовном процессе;
- проанализировать нормативно-правовое регулирование применения мер безопасности на досудебных стадиях;
- проанализировать гарантии прав участников уголовного судопроизводства при применении мер безопасности;
- дать характеристику обеспечению безопасности свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых и других участников досудебного производства;
- изучить анализ правоприменительной практики (по материалам территориального органа МВД России);
- раскрыть проблемы реализации мер безопасности в деятельности органов предварительного расследования и предложить пути их совершенствования;
- изучить зарубежный опыт применения аналогичных мер безопасности и возможность его адаптации в Российской Федерации.

Структура работы. Работа имеет введение, три главы, включающие в себя девять параграфов, заключение, список использованной литературы.

Глава 1. Теоретико-правовые основы применения мер безопасности в досудебном производстве

§ 1. Понятие и классификация мер безопасности в уголовном процессе

Актуальность комплексного исследования понятия и классификации мер безопасности в системе уголовного судопроизводства обусловлена возрастающей необходимостью защиты участников уголовного процесса от противоправных посягательств и угроз, которые приобретают все более опасный и разнообразный характер. В современный период развития преступной деятельности наблюдается качественное изменение форм и методов воздействия на лиц, содействующих правосудию, что требует соответствующего развития правовых механизмов обеспечения их безопасности. Несмотря на законодательное закрепление системы защитных мер, в научной доктрине продолжает отсутствовать единообразное понимание правовой природы этого института, что создает определенные сложности как в теоретическом осмыслении, так и в практическом применении соответствующих норм.

Проблема определения понятия мер безопасности в уголовном процессе представляет собой один из наиболее дискуссионных вопросов современной уголовно-процессуальной доктрины. Различные авторы предлагают собственные подходы к трактовке этого правового явления, исходя из различных критериев научного анализа. Брусницын Л.В. определяет меры безопасности в уголовном процессе как предупредительные правовые и организационные средства, которые применяются государственными органами в целях предотвращения нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и их близких лиц от различных форм неправомерного посткриминального воздействия¹.

¹ Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: научно-практическое пособие / Л. В. Брусницын. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 45.

Гаужаева В.А. и Сафронов В.М. развивают более комплексное понимание, рассматривая меры безопасности как систему установленных уголовно-процессуальным и специальным законодательством действий, которые предпринимаются уполномоченными государственными органами и направлены как на предотвращение возникновения ситуаций, связанных с нарушением защищенности охраняемых объектов и интересов, так и на восстановление нарушенного состояния защищенности при возникновении соответствующих угроз¹.

Глухова К.С. справедливо отмечает, что при определении понятия мер безопасности необходимо учитывать их место в системе уголовно-процессуальных гарантий, поскольку они представляют собой не просто технические средства защиты, но и важнейший элемент механизма обеспечения прав и свобод человека в процессе уголовного судопроизводства². Автор подчеркивает, что меры безопасности органически связаны с реализацией принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, закрепленного в ст. 11 УПК РФ, и являются его конкретизацией в практической деятельности.

Анализ существующих в юридической науке подходов позволяет выделить два основополагающих теоретических направления в понимании сущности мер безопасности. Первое направление, представленное исследованиями Янина С.А., Тришкиной Е.А. и других авторов, сосредоточено на процессуальном аспекте применения мер безопасности и определяет их как систему процессуальных действий и распорядительных решений, принимаемых органами предварительного расследования и судом в целях защиты участников уголовного

¹ Гаужаева В.А., Сафронов В.М. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в стандартных и особых условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 20.

² Глухова К.С. Современные подходы к классификации мер защиты участников уголовного судопроизводства // Вестник Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. № 2. С. 112.

процесса от посягательств¹. Второе направление, развиваемое такими авторами как Прохорова Т.Л. и Сукиасян В.О., подходит к проблеме более широко, рассматривая меры безопасности как комплекс уголовно-процессуальных, административно-правовых и технических средств, интегрированных в единую систему государственной защиты².

Критическое осмысление указанных подходов выявляет как их достоинства, так и определенные недостатки. Процессуально-ориентированная концепция обладает преимуществом в части четкого разграничения полномочий различных участников уголовного процесса и последовательности применения соответствующих мер на отдельных стадиях производства. Однако она в определенной мере недооценивает значение внепроцессуальных механизмов защиты и не уделяет должного внимания организационному и техническому аспектам обеспечения безопасности. Широкое понимание мер безопасности, напротив, охватывает полноту существующих инструментов защиты, но создает трудности в практическом разграничении различных видов мер и определении их процессуального статуса.

На основе проведенного анализа целесообразно предложить собственное определение: меры безопасности в уголовном процессе представляют собой систему установленных уголовно-процессуальным и специальным законодательством Российской Федерации правовых, организационно-технических и иных средств, которые применяются уполномоченными государственными органами в целях предотвращения и пресечения противоправных посягательств на жизнь, здоровье, имущество и иные

¹ См.: Янин С.А., Тришкина Е.А. К вопросу о понятии и видах мер обеспечения безопасности в Российском уголовном судопроизводстве // Современные проблемы противодействия преступности: Всероссийская научно-практическая конференция, Волгоград, 22–23 июня 2010 года. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. С. 364–374.

² См.: Сукиасян В.О., Хачатрян А. Меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по уголовно-процессуальному законодательству // Шестнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть I. 2024. № 1. С. 167–176; Прохорова Т.Л. Меры безопасности в уголовно-процессуальном праве и фактические основания их применения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 567–569.

охраняемые законом интересы участников уголовного судопроизводства и членов их семей. Данная формулировка объединяет существенные элементы как процессуального, так и материально-правового регулирования защиты участников процесса.

Проблема классификации мер безопасности не менее сложна и многоаспектна, чем их дефиниция. В современной уголовно-процессуальной науке разработано несколько подходов к систематизации этих мер, основанных на различных классификационных критериях. Попов В.Л. предлагает исходить из объекта защиты и выделяет две основные категории мер: направленные на защиту жизни и здоровья участников процесса, и направленные на обеспечение сохранности их имущества¹.

Гаужаева В.А. предложила использовать критерий источника нормативного закрепления и разделить все меры безопасности на две большие группы: уголовно-процессуальные меры, установленные непосредственно нормами УПК РФ, и меры государственной защиты, регламентированные специальными федеральными законами².

Наиболее разработанной и признаваемой в современной доктрине является комплексная классификация, сформулированная в трудах Араповой А.А., Луценко П.А. и других авторов. Согласно этому подходу, все меры безопасности следует делить по нескольким основаниям одновременно. Во-первых, по юридической природе целесообразно различать уголовно-процессуальные меры, установленные нормами УПК РФ, и внепроцессуальные меры государственной защиты, предусмотренные Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников

¹ Попов В.Л. Классификация мер безопасности, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. № 3. С. 56.

² Гаужаева В.А., Сафронов В.М. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в стандартных и особых условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 21.

уголовного судопроизводства»¹ (далее – ФЗ-119). Вторая группа включает специализированные меры защиты отдельных категорий участников, предусмотренные Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»² (далее – ФЗ-45).

Во-вторых, по стадиям уголовного процесса необходимо выделять меры, применяемые в досудебном производстве (на этапах возбуждения уголовного дела и предварительного расследования), и меры, реализуемые в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

В-третьих, логично классифицировать меры безопасности по объекту и характеру охраняемых интересов. В этом аспекте следует различать меры, направленные на защиту личности участника процесса (жизнь, здоровье, честь, достоинство), и меры, обеспечивающие защиту его имущественных интересов. Кроме того, отдельную категорию составляют меры, направленные на защиту членов семей участников судопроизводства, поскольку угрозы могут быть адресованы не непосредственно участнику, а его близким лицам.

В-четвертых, по характеру и интенсивности воздействия на охраняемые объекты целесообразно выделять меры информационного характера (скрытие сведений об участнике процесса), организационные меры (изменение места проведения судебного заседания, применение систем видеоконференцсвязи), технические средства защиты (установка систем видеонаблюдения, техническая защита помещений) и оперативные меры, предусмотренные законодательством о государственной защите.

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 августа 2004 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. №. 15. Ст. 1796.

² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 марта 1995 г. 1995. №. 31. Ст. 2795.

Карягина О.В. справедливо подчеркивает, что при классификации мер безопасности необходимо учитывать степень их интенсивности и уровень ограничений прав других участников процесса, которые могут быть связаны с применением защитных мер¹.

Таким образом, современная уголовно-процессуальная доктрина характеризуется наличием полифонии научных подходов к определению понятия и классификации мер безопасности в уголовном процессе. Однако наблюдается четкая тенденция к формированию единого интегрального понимания этого правового института, которое объединяет процессуально-ориентированный и материально-правовой аспекты защиты участников судопроизводства. Наиболее эффективной и практически применимой является трехосновная классификация, учитывающая юридическую природу мер, стадии их применения и объект защиты, дополненная анализом степени интенсивности и характера воздействия на охраняемые интересы.

§ 2. Нормативно-правовое регулирование применения мер безопасности на досудебных стадиях

Система нормативно-правового регулирования мер безопасности на досудебных стадиях уголовного процесса представляет собой сложноорганизованную правовую конструкцию, включающую положения Конституции Российской Федерации, нормы УПК РФ и ФЗ-45 и ФЗ-119. Актуальность анализа данной системы обусловлена необходимостью обеспечения согласованности различных уровней правового регулирования и выявления пробелов в законодательстве, которые могут негативно сказаться на эффективности защиты участников уголовного судопроизводства на начальном этапе расследования преступлений.

¹ Карягина О.В. Система гарантий защиты свидетелей в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 34.

Конституционные основы применения мер безопасности на досудебной стадии закреплены в нескольких статьях Основного закона Российской Федерации. Статья 22 Конституции РФ гарантирует каждому право на свободу и личную неприкосновенность, что непосредственно коррелирует с задачей защиты участников уголовного процесса от противоправных посягательств¹. В контексте досудебного производства это положение приобретает особую значимость, поскольку именно на стадии предварительного расследования лица, содействующие правосудию, наиболее уязвимы для воздействия со стороны обвиняемых и их сообщников. Глухова К.С. справедливо отмечает, что конституционная норма о личной неприкосновенности служит основой для создания специальных механизмов защиты, которые реализуются через уголовно-процессуальное законодательство².

Статья 23 Конституции РФ, закрепляющая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также право на тайну переписки и телефонных переговоров, создает правовую основу для применения таких мер безопасности, как прослушивание и запись телефонных переговоров, изменение места жительства и обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах. Важно подчеркнуть, что ограничение конституционных прав допускается только на основании судебного решения, что накладывает специфические требования на процедуру применения мер безопасности на досудебной стадии.

Статья 25 Конституции РФ, гарантирующая неприкосновенность жилища, имеет прямое отношение к применению мер безопасности, связанных с обеспечением сохранности имущества участников уголовного процесса. В досудебном производстве это может выражаться в организации охраны жилища свидетеля или потерпевшего, установке технических средств защиты и принятии иных мер, направленных на предотвращение посягательств на

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. №. 27. Ст. 4196.

² Глухова К.С. Конституционные основы безопасности участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии // Вестник Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. № 2. С. 111.

имущество. Однако, как справедливо отмечает Брусницын Л.В., конституционная норма о неприкосновенности жилища создает определенные процессуальные ограничения, поскольку любое вмешательство в это право должно быть строго регламентировано законом и санкционировано судом¹.

Статья 45 Конституции РФ, провозглашающая государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, а также право каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом, служит конституционной основой для всей системы мер безопасности в уголовном процессе. В контексте досудебного производства это положение реализуется через механизм государственной защиты, установленный ФЗ-119.

Статья 46 Конституции РФ, гарантирующая каждому судебную защиту его прав и свобод, имеет особое значение для досудебного производства, поскольку именно на этих стадиях закладывается основа для последующего судебного разбирательства.

Статья 52 Конституции РФ, закрепляющая права потерпевших от преступлений и обязывающая государство обеспечивать им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, создает конституционную основу для применения мер безопасности именно к потерпевшим как наиболее уязвимой категории участников уголовного процесса. В досудебном производстве это требование реализуется через систему мер, направленных на защиту потерпевших от давления со стороны обвиняемых и их сообщников.

Уголовно-процессуальное регулирование мер безопасности на досудебных стадиях сосредоточено в статье 11 УПК РФ, в частности в ее части 3, которая устанавливает основания и перечень мер безопасности, применяемых к участникам уголовного судопроизводства. Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ меры безопасности применяются при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а

¹ Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: научно-практическое пособие / Л. В. Брусницын. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 89.

также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями¹.

К перечисленным в ч. 3 ст. 11 УПК РФ мерам безопасности относятся: изъятие из протокола следственного действия данных о личности свидетеля, потерпевшего, другого участника уголовного процесса (кроме обвиняемого) с указанием псевдонима; прослушивание и запись телефонных и иных переговоров по письменному заявлению данных лиц, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения; проведение опознания вне визуального наблюдения опознающего опознаваемым; осуществление закрытого судебного разбирательства; проведение допроса в суде без оглашения подлинных данных о личности допрашиваемого в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля (потерпевшего).

Брусницын Л.В. в своих исследованиях подчеркивает, что формулировка ч. 3 ст. 11 УПК РФ о «достаточных данных» создает определенные трудности в правоприменительной практике, поскольку законодатель не устанавливает критериев оценки достаточности данных об угрозе. Автор справедливо отмечает, что отсутствие четких критериев может приводить к произвольному применению мер безопасности либо, наоборот, к их неприменению в ситуациях, когда они необходимы². Гаужаева В.А. и Сафронов В.М. развивают эту мысль, предлагая дополнить уголовно-процессуальное законодательство специальной нормой, которая бы устанавливала минимальный перечень доказательств, подтверждающих реальность угрозы³.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. №. 25. Ст. 2955.

² Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: научно-практическое пособие / Л. В. Брусницын. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 91.

³ Гаужаева В.А., Сафронов В.М. Нормативно-правовое регулирование государственной защиты участников уголовного судопроизводства в досудебном производстве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 23.

Особое значение для досудебного производства имеет положение о том, что меры безопасности могут применяться не только после возбуждения уголовного дела, но и на стадии проверки сообщения о преступлении. ФЗ-119 в ст. 2 прямо устанавливает, что меры государственной защиты могут быть применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Попов В.Л. в своих работах подчеркивает, что применение мер безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении требует особой осторожности и четкого соблюдения процессуальных гарантий, поскольку в этот период еще отсутствует полноценный процессуальный статус участников, и применение к ним защитных мер может ограничивать права других лиц. Автор справедливо указывает на необходимость разработки специальных процедур, которые бы обеспечивали баланс между защитой лиц, сообщивших о преступлении, и соблюдением прав потенциальных обвиняемых¹.

ФЗ-119 в части его применения к досудебному производству устанавливает развернутую систему мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Согласно ст. 3 указанного Закона меры государственной защиты включают: предоставление охраны, изменение внешности, изменение документов, удостоверяющих личность, с указанием новых фамилии, имени и отчества, изменение места жительства, переводу на работу (учебу) в другое место, денежную компенсацию за счет бюджета в связи с прекращением трудовой деятельности, возмещение расходов, связанных с изменением места жительства, и другие меры.

Глухова К.С. в своих исследованиях выделяет проблему сочетания процессуальных мер безопасности, закрепленных в ст. 11 УПК РФ, и мер государственной защиты по ФЗ-119, отмечая, что законодатель не установил четких механизмов координации между этими двумя системами защиты. Автор

¹ Попов В.Л. Указ. соч. С. 35.

справедливо указывает на необходимость разработки единого алгоритма применения различных мер безопасности на досудебной стадии, который бы позволял компетентным органам выбирать наиболее эффективные защитные инструменты в зависимости от конкретной ситуации¹.

ФЗ-45 распространяется на участников уголовного процесса только опосредованно, поскольку его основной целью является защита самих должностных лиц, а не участников процесса в целом. Однако для досудебного производства этот Закон приобретает значение в том смысле, что обеспечение безопасности следователей, дознавателей и других должностных лиц косвенно влияет на качество и эффективность расследования. Попов В.Л. справедливо отмечает, что система защиты должностных лиц правоохранительных органов должна быть согласована с системой защиты свидетелей и потерпевших, поскольку угрозы могут быть направлены как на лиц, содействующих правосудию, так и на самих следователей и дознавателей².

Процессуальный аспект применения мер безопасности на досудебной стадии требует соблюдения определенных требований, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно ст. 166 УПК РФ при производстве следственного действия со свидетелем или потерпевшим, нуждающимся в мере безопасности, протокол должен составляться с соблюдением установленных правил конфиденциальности.

Применение мер безопасности на досудебной стадии должно осуществляться в соответствии с принципом пропорциональности, который предполагает, что ограничение прав одних участников процесса должно быть соразмерно важности защиты других. Брусницын Л.В. подчеркивает, что принцип пропорциональности требует тщательного взвешивания интересов защиты свидетеля или потерпевшего с интересами обвиняемого в получении полной информации о его обвинителях. Автор справедливо указывает на то, что чрезмерное применение мер безопасности может привести к нарушению права

¹ Глухова К.С. Указ. соч. С. 115.

² Попов В.Л. Указ. соч. С. 35.

обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, что, в свою очередь, может служить основанием для обжалования приговора в апелляционном порядке.

Важным элементом процессуального регулирования является установление порядка решения вопроса о необходимости применения мер безопасности. Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ решение о применении мер безопасности может быть принято органом предварительного расследования, прокурором или судом. Однако в законодательстве отсутствуют четкие критерии распределения компетенции между этими органами, что создает определенные трудности в практике. Гаужаева В.А. и Сафронов В.М. предлагают установить четкий порядок, при котором решение о применении отдельных мер безопасности, ограничивающих конституционные права, должно приниматься судом, в то время как применение процессуальных мер, не требующих значительного ограничения прав, может осуществляться органами следствия¹.

Таким образом, система нормативно-правового регулирования мер безопасности на досудебной стадии уголовного процесса характеризуется наличием нескольких уровней регулирования: конституционного, уголовно-процессуального и специального законодательства о государственной защите. Интеграция этих уровней создает сложную, но необходимую архитектуру защиты участников уголовного процесса. Однако современное законодательство содержит ряд пробелов и неясностей, которые требуют дальнейшего совершенствования.

§ 3. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства при применении мер безопасности

Проблематика гарантий прав участников уголовного судопроизводства при применении мер безопасности непосредственно связана с внутренним

¹ Гаужаева В.А., Сафронов В.М. Указ. соч. С. 24.

противоречием данного института: с одной стороны, меры безопасности направлены на защиту жизни, здоровья и иных охраняемых законом интересов лиц, содействующих правосудию, с другой – они предполагают определенные ограничения процессуальных прав других участников, прежде всего стороны защиты.

Под гарантиями прав участников уголовного судопроизводства при применении мер безопасности целесообразно понимать систему нормативно закрепленных принципов, правомочий и процедурных требований, которые обеспечивают, во-первых, законность и обоснованность принятия решения о защите, во-вторых, соразмерность и минимальную необходимую степень ограничений, и, в-третьих, возможность судебного и прокурорского контроля за такими решениями и их обжалования. В работах Курты А.В. гарантии рассматриваются как совокупность правовых средств, призванных не только обеспечить реальную безопасность участников, но и предотвратить произвольное расширительное толкование полномочий органов, применяющих меры безопасности¹.

Нормативную основу системы гарантий составляют, прежде всего, положения Конституции РФ. Статьи 21, 22, 23, 25, 45, 46 и 52 закрепляют базовые права на достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и жилища, государственную и судебную защиту, а также специальный статус потерпевших от преступлений. Именно из этих конституционных норм вытекает требование, чтобы любые меры безопасности были законными, необходимыми и соразмерными преследуемым целям, а также не сводили на нет гарантированное право на судебную защиту и справедливое разбирательство.

В уголовно-процессуальном законодательстве ключевое значение имеет статья 11 УПК РФ, которая одновременно формулирует обязанность органов обеспечения безопасности участников и задает общий каркас гарантий.

¹ Курта А.В. Гарантии применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства // Научный альманах. 2023. № 12. С. 4-6.

Во-первых, закрепляется обязанность суда, прокурора, следователя и дознавателя разъяснять лицам их права, обязанности и ответственность, а также обеспечивать реальную возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Во-вторых, в части 3 той же статьи установлены условия применения мер безопасности: наличие «достаточных данных» о реальности угрозы убийством, насилием, уничтожением имущества или иными опасными посягательствами. Наконец, законодатель прямо указывает на возможность обжалования решений и действий должностных лиц, что является важнейшей гарантией от злоупотреблений. При этом в доктрине справедливо критикуется оценочный характер формулы «достаточные данные» и отсутствие четких критериев их установления, что снижает предсказуемость правоприменения и объективно ослабляет гарантийный потенциал нормы.

Специальные гарантии встроены и в отдельные процессуальные институты. Так, ч. 9 ст. 166 УПК РФ допускает сокрытие сведений о личности допрашиваемого лица (указание псевдонима и помещения постановления с подлинными данными в отдельный конверт), но при этом требует обязательного согласования решения с руководителем следственного органа или начальником органа дознания. Табаков С.А., анализируя данное регулирование, справедливо отмечает, что согласование с руководителем ведомства, выступающим, по сути, стороной обвинения, не обеспечивает достаточно нейтральной и независимой оценки обоснованности ограничения права обвиняемого на знание личности свидетеля¹. В качестве усиления гарантий он предлагает перенести решение о сокрытии сведений в компетенцию суда по процедуре, аналогичной судебному контролю по ст. 165 УПК РФ.

Схожая логика прослеживается и в регулировании допроса и участия свидетеля в суде. Ч. 5 ст. 278 УПК РФ допускает допрос свидетеля или потерпевшего в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими

¹ Табаков С.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в условиях реализации фундаментальных положений судебного разбирательства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (78). С. 65-66.

участниками процесса, а ч. 6 той же статьи предоставляет стороне защиты право ходатайствовать о раскрытии подлинных сведений о личности такого лица. При этом закон требует обоснования ходатайства интересами защиты подсудимого либо установления существенных для дела обстоятельств. В научной дискуссии подчеркивается, что сама по себе засекреченность свидетеля не может служить основанием для постановления обвинительного приговора, опирающегося исключительно или решающим образом на его показания; наличие дополнительных, независимых доказательств рассматривается как содержательная гарантия против чрезмерной анонимизации источников доказательственной информации.

Важный блок гарантий связан с обеспечением баланса между интересами безопасности и правами стороны защиты. Устинов Д.С. обращает внимание на то, что меры безопасности, будучи направленными на защиту свидетелей и потерпевших, способны существенно ограничивать право обвиняемого на защиту, в том числе на эффективный перекрестный допрос свидетелей обвинения¹. В этой связи он предлагает рассматривать в качестве обязательных гарантий: наличие фактических данных, подтверждающих реальность угрозы; проверяемость этих данных; мотивированность постановления о применении мер безопасности; возможность для защиты знакомиться хотя бы с обобщенными характеристиками личности засекреченного свидетеля и ставить перед ним вопросы в условиях, исключающих визуальное восприятие.

Отдельного внимания заслуживают гарантии, вытекающие из ФЗ-119. В ст. 4 данного Закона закреплены принципы законности, приоритета защиты жизни и здоровья, соблюдения прав и свобод защищаемых лиц и их социальной поддержки. Ст.ст. 5-7 определяют права и обязанности защищаемых лиц и органов, осуществляющих меры государственной защиты: право быть информированным о применяемых мерах, давать согласие или отказываться от

¹ Устинов Д.С. Особенности обеспечения права обвиняемого на защиту при реализации мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 126-127.

отдельных мер, обжаловать действия должностных лиц, а также получать меры социальной поддержки наряду с собственно мерами безопасности. Курта А.В. справедливо подчеркивает, что наличие в законе специальных прав защищаемых лиц и процедур их реализации служит ключевой гарантией недопустимости превращения мер безопасности в односторонний административный режим, навязываемый участнику без учета его воли и интересов¹.

На уровне доктрины предлагается и более «технологичный» взгляд на гарантии. Зарипов Ф.Ф., исследуя понятие и алгоритм применения мер обеспечения безопасности, указывает, что их правомерность обеспечивается не только самим фактом нормативного закрепления, но и последовательностью процедурных шагов: фиксацией обращения лица или выявления угрозы; проверкой и документированием сведений об угрозе; вынесением мотивированного постановления; согласованием решения с компетентным органом; последующим контролем и возможностью пересмотра мер в случае изменения обстановки². Такой «алгоритмический» подход позволяет рассматривать гарантии как встроенные в процедуру этапы, на каждом из которых возможен контроль законности и обоснованности.

Наряду с гарантиями защищенности самих лиц, в научной литературе подчеркивается значение гарантий недопущения злоупотреблений мерами безопасности. Отмечается, что скрывание данных о свидетелях и проведение закрытых судебных заседаний при отсутствии реальной угрозы либо при формальном ее обосновании может использоваться недобросовестной стороной обвинения для затруднения защиты и ограничения гласности судопроизводства. В этой части представляется оправданной позиция, согласно которой процессуальные решения о применении наиболее жестких мер (засекречивание личности, изоляция, переселение и др.) должны приниматься судом на основе

¹ Курта А.В. Указ. соч. С. 6.

² Зарипов Ф.Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 31-32.

всестороннего исследования доводов сторон, а не только по ходатайству следствия.

Наконец, в качестве самостоятельной группы гарантий следует выделить механизмы прокурорского надзора и ведомственного контроля, а также право на обжалование процессуальных решений (ст. 19, гл. 16 УПК РФ). Они обеспечивают внешнюю оценку соблюдения прав участников при применении мер безопасности, позволяя корректировать допущенные нарушения еще в досудебном порядке. В совокупности с судебным контролем эти средства формируют многоуровневую систему гарантий, пусть и не всегда работающую безупречно на практике.

Подводя итог, следует отметить, что институт гарантий прав участников уголовного судопроизводства при применении мер безопасности носит комплексный характер и включает конституционные, уголовно-процессуальные и специальные законодательные элементы. Современная доктрина движется в направлении усиления процедурных и судебных гарантий, призванных минимизировать риски произвольного ограничения прав личности под предлогом обеспечения безопасности. При всей неоднородности научных подходов прослеживается общая тенденция: признание необходимости четкого нормативного регламентирования оснований и порядка применения мер безопасности, усиление судебного контроля за самыми «чувствительными» из них, а также недопущение ситуации, при которой защита свидетелей и потерпевших оборачивается фактическим ослаблением права обвиняемого на защиту. В перспективе развитие правового регулирования в данной сфере должно быть ориентировано на поиск устойчивого баланса между эффективной защитой участников процесса и сохранением фундаментальных гарантий справедливого судопроизводства.

Глава 2. Практика применения мер безопасности в досудебном производстве

§ 1. Обеспечение безопасности свидетелей, потерпевших и других участников досудебного производства

Основной правовой базой для обеспечения безопасности участников досудебного производства служит часть 3 статьи 11 УПК РФ, которая устанавливает как основания, так и конкретный перечень мер безопасности, применяемых к лицам, содействующим правосудию. Согласно данной норме, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями, следователь, дознаватель, прокурор или суд принимают в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166, 186, 193, 241 и 278 УПК РФ. В практической деятельности наиболее часто применяются такие меры, как изъятие из протокола следственного действия данных о личности свидетеля или потерпевшего с указанием псевдонима, проведение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение, а также прослушивание и запись телефонных переговоров¹.

Практика применения процессуальных мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ показывает, что наибольшее распространение получила мера, связанная с засекречиванием личности свидетеля или потерпевшего. Гаужаева В.А. и Сафронов В.М. в своих исследованиях подчеркивают, что практика применения мер безопасности характеризуется значительной вариативностью в зависимости от региона и конкретного следственного органа².

¹ Брусницын Л.В. Процессуальные меры безопасности в уголовном судопроизводстве и практика их применения // Российский следователь. 2023. № 4. С. 45.

² Гаужаева В.А., Сафронов В.М. Практические проблемы применения мер безопасности в досудебном производстве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 23.

Авторы отмечают, что в крупных городах, где преступность имеет организованный и мафиозный характер, меры безопасности применяются значительно чаще и в более широком объеме, чем в малых населенных пунктах.

Брусницын Л.В. справедливо критикует такой поверхностный подход, указывая на необходимость тщательной проверки всех обстоятельств, свидетельствующих об угрозе, поскольку злоупотребление мерами безопасности может привести к необоснованным ограничениям прав обвиняемого и нарушению принципа состязательности. Автор подчеркивает, что при решении о засекречивании свидетеля следует требовать наличие конкретных фактических данных: угрозы в адрес защищаемого лица, его родственников или близких, попытки, ранее предпринятые в отношении него, информацию о связях потенциального преступника с криминальными структурам¹. К сожалению, практический анализ дел показывает, что такие требования соблюдаются далеко не всегда, и многие решения о применении мер безопасности принимаются на основе одного лишь ходатайства свидетеля без должного изучения его оснований.

Особую сложность в практике представляет применение мер безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении, когда уголовное дело еще не возбуждено, но лицо, сообщившее о преступлении, уже нуждается в защите. ФЗ-119 в ст. 2 прямо предусматривает возможность применения мер государственной защиты до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления, а также иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Однако, как отмечает Попов В.Л., применение мер безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении требует особой осторожности, поскольку в этот период еще отсутствует полноценный процессуальный статус участников, и применение защитных мер может ограничивать права других лиц, в частности

¹ Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: научно-практическое пособие / Л. В. Брусницын. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 67.

потенциальных обвиняемых, которые могут быть неправомерно затронуты рассекречиванием своих действий или иными мерами¹. Практика показывает, что органы внутренних дел иногда применяют широкие меры государственной защиты на основании одного лишь заявления, без проведения надлежащей проверки достоверности сведений об угрозе, что приводит к впоследствии необоснованному расходованию бюджетных средств на защиту лиц, в отношении которых угроза не была подтверждена расследованием.

Согласно ФЗ-119, в ст. 3 закреплён широкий перечень мер государственной защиты, применяемых органами внутренних дел в отношении защищаемых лиц. Согласно данным Правительственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в период с 2006 по 2022 год в отношении защищаемых лиц осуществлено более 94 тысяч мер безопасности, при этом преимущественно применялись именно комплексные меры².

Однако Глухова К.С. справедливо отмечает, что в практике наблюдается значительная неравномерность применения различных мер безопасности: в 70 % случаев используется личная охрана и охрана жилища, тогда как более сложные и дорогостоящие меры, такие как изменение документов и внешности, применяются крайне редко, хотя они нередко являются наиболее эффективными³.

Существенной проблемой практики применения мер безопасности в рамках ч. 3 ст. 11 УПК РФ является отсутствие четких критериев оценки достаточности данных об угрозе. Формулировка закона о «достаточных данных»

¹ Попов В.Л. Специфика применения мер безопасности на начальной стадии досудебного производства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2023. № 2 (37). С. 38.

² Постановление Правительства РФ от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024-2028 годы» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 37. Ст. 5864.

³ Глухова К.С. Защита несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии: проблемы теории и практики // Вестник Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 4. С. 118.

создает значительные трудности для следователей и дознавателей, поскольку законодатель не установил конкретных показателей, подтверждающих реальность и серьезность угрозы. В результате в практике наблюдаются два крайних подхода: в одних случаях меры безопасности назначаются с легкостью, почти автоматически, на основании простого утверждения свидетеля об угрозе, без должной проверки, в других – отказы в их применении мотивируются недостаточностью данных, даже при наличии объективных и подтвержденных признаков угрозы. Гаужаева В.А. и Сафронов В.М. предлагают внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, установив четкий минимальный перечень доказательств, подтверждающих реальность угрозы (письменные угрозы, свидетельские показания о высказанных угрозах, справки о судимости угрожающего лица, материалы оперативных проверок), что позволило бы унифицировать практику и снизить количество необоснованных отказов¹.

Важнейшим практическим аспектом применения мер безопасности является взаимодействие органов предварительного расследования с другими государственными структурами, обеспечивающими защиту участников уголовного процесса. Согласно Федеральному закону № 119-ФЗ, меры государственной защиты осуществляются органами внутренних дел, федеральной службой безопасности, органами федеральной службы исполнения наказаний, органами по контролю за оборотом наркотических средств и иными уполномоченными органами. Однако в практике часто возникают серьезные проблемы координации действий различных ведомств, что приводит к задержкам в применении защитных мер, дублированию усилий и значительному снижению их эффективности. Брусницын Л.В. отмечает, что отсутствие единого информационного пространства и координационных механизмов между правоохранительными органами затрудняет оперативный обмен данными об угрозах и принятых мерах безопасности, что в ряде случаев приводит к

¹ Гаужаева В.А., Сафронов В.М. Указ. соч. С. 24.

трагическим последствиям, когда защищаемое лицо попадает в опасную ситуацию.

Технологический аспект практики применения мер безопасности на досудебной стадии также требует пристального внимания и совершенствования. Современные технические средства, такие как системы видеоконференцсвязи для допроса, устройства для изменения голоса допрашиваемого, средства видеонаблюдения и специальные программные комплексы для анонимного допроса свидетелей, активно внедряются в деятельность следственных органов в центральных регионах. Однако, как подчеркивает Попов В.Л., техническое оснащение следственных подразделений остается крайне неравномерным: в крупных городах и региональных центрах имеются современные технические средства защиты свидетелей, тогда как в малых населенных пунктах следователи вынуждены прибегать к традиционным, так называемым «народным» методам защиты, таким как использование тонированных автомобилей, масок и профессионального грима для обеспечения анонимности свидетелей.

Важнейшим элементом практики применения мер безопасности является оценка их эффективности и результативности. Согласно данным МВД России, в период реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» с 2006 по 2022 год число защищаемых лиц составило более 39 тысяч человек, при этом в отношении них осуществлено более 94 тысяч различных мер безопасности. Однако, как справедливо отмечает Гаужаева В.А., количественные показатели не всегда отражают реальную эффективность защиты, поскольку отсутствует система оценки результативности примененных мер и учета случаев, когда защищаемое лицо все же подверглось противоправному воздействию несмотря на применение защитных мер.

Практический опыт также показывает, что эффективность применения мер безопасности прямым образом зависит от добровольного участия самого защищаемого лица в процессе их реализации. Для того чтобы меры безопасности были действительно эффективными, необходимо, чтобы защищаемое лицо

понимало важность соблюдения установленных ограничений и правил безопасности, активно участвовало в их реализации и своевременно информировало органы защиты об изменениях в угрозах или обстановке. К сожалению, на практике часто встречаются случаи, когда защищаемые лица игнорируют меры безопасности, нарушают установленные ограничения, пытаются скрыть свое местоположение от органов защиты, что значительно снижает эффективность предпринимаемых мер.

Таким образом, практика применения мер безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях свидетельствует о том, что существующая система защиты основана на сочетании процессуальных норм, закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, и специального законодательства в лице ФР-119. Несмотря на наличие достаточной законодательной базы, практика применения этих мер сталкивается с многочисленными проблемами: отсутствием единых критериев оценки угроз, неравномерностью применения различных защитных мер, проблемами координации между органами, техническое неравенство в разных регионах, а также отсутствием систем оценки эффективности.

§ 2. Меры безопасности в отношении подозреваемых и обвиняемых

Основной правовой механизм применения мер безопасности к подозреваемым и обвиняемым закреплен в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая, однако, напрямую не упоминает данную категорию участников уголовного процесса. Формальное толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что подозреваемые и обвиняемые не подпадают под действие мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ, поскольку они являются объектами уголовного преследования, а не субъектами, содействующими правосудию. Однако такой подход игнорирует реальные угрозы, с которыми сталкиваются обвиняемые, особенно в делах о преступлениях, связанных с организованной преступностью, коррупцией и иными тяжкими преступлениями. Гаужаева В.А. и

Сафронов В.М. справедливо отмечают, что отказ в применении мер безопасности к обвиняемым лишает их возможности эффективно осуществлять право на защиту, поскольку угрозы и посягательства могут существенно ограничить их возможность активно участвовать в процессе, давать показания и взаимодействовать со своим адвокатом¹.

Специфический механизм защиты подозреваемых и обвиняемых закреплён в ст. 317.9 УПК РФ, которая была введена в результате реформирования уголовного процесса и устанавливает меры безопасности в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Согласно ч. 1 ст. 317.9 УПК РФ, при необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц применяются меры безопасности, предусмотренные статьёй 11 и пунктом 4 части второй статьи 241 УПК РФ.

Попов В.Л. подчеркивает, что применение мер безопасности к обвиняемым по ст. 317.9 УПК РФ имеет двойственный характер: с одной стороны, оно обеспечивает защиту лица, рискующего своей жизнью и здоровьем в связи с сотрудничеством со следствием, с другой – создаёт дополнительные гарантии для получения достоверных показаний и раскрытия преступлений².

Вторая часть статьи 317.9 УПК РФ предусматривает, что на подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, распространяются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные федеральным законом.

¹ Гаужаева В.А., Сафронов В.М. Правовые механизмы защиты подозреваемых и обвиняемых при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 6. С. 28.

² Попов В.Л. Специфика применения мер безопасности к обвиняемым, сотрудничающим со следствием, на досудебной стадии уголовного процесса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2023. № 3 (38). С. 52.

Глухова К.С. в своих работах анализирует практику применения мер безопасности к обвиняемым по ст. 317.9 УПК РФ и отмечает, что наибольшие трудности возникают при определении круга лиц, подлежащих защите. В соответствии с законом, меры безопасности распространяются не только на самого обвиняемого, но и на его близких родственников, родственников и близких лиц. Однако в практике следователи часто ограничиваются защитой только самого обвиняемого, не обеспечивая должным образом безопасность его семьи, что создает опасную уязвимость, которую преступные группировки активно используют для оказания давления на сотрудничающего лица через его близких¹.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – ФЗ-103) также содержит важные элементы защиты обвиняемых, хотя и в ином аспекте – обеспечения их безопасности в условиях изоляции в следственных изоляторах и местах предварительного заключения. Ст. 34 данного Закона устанавливает обязанность администрации мест содержания под стражей обеспечивать охрану подозреваемых и обвиняемых и надзор за ними в целях предотвращения совершения в отношении них преступлений, а статья 33 предусматривает раздельное размещение в камерах лиц, находящихся в состоянии вражды или конфликта между собой, что имеет особое значение при содержании преступников.

Гаужаева В.А. и Сафронов В.М. подчеркивают, что в условиях следственных изоляторов, где концентрируются лица, связанные с организованной преступностью, коррупцией и иными серьезными преступлениями, меры безопасности, предусмотренные ФЗ-103, имеют первостепенное значение для защиты как обвиняемых, так и сотрудников учреждений и иных заключенных. Однако практика показывает, что система

¹ Глухова К.С. Применение мер безопасности к членам семьи подозреваемых и обвиняемых при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 3. С. 112.

раздельного содержания конфликтующих лиц далеко не всегда работает эффективно из-за серьезной переполненности следственных изоляторов, хронического недостаточного финансирования их деятельности и нехватки квалифицированного персонала, что приводит к размещению в одних камерах лиц, находящихся в состоянии конфликта, и, как следствие, к трагическим инцидентам и убийствам.

Практика показывает, что применение мер безопасности к обвиняемым в соответствии с ФЗ-119 и ст. 317.9 УПК РФ наталкивается на ряд существенных проблем и препятствий. Во-первых, многие следователи и органы дознания не в полной мере осознают возможность применения защитных мер к сотрудничающим обвиняемым, что приводит к их неиспользованию даже в ситуациях, когда очевидна необходимость защиты. Во-вторых, процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является сложной и требует согласования с прокурором, что создает временные задержки при реализации защитных мер. В-третьих, органы, осуществляющие государственную защиту, часто неохотно берут на себя защиту обвиняемых, опасаясь конфликтных ситуаций с другими лицами, находящимися под следствием.

Особую сложность в практике представляет применение мер безопасности к обвиняемым, не заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, но объективно нуждающимся в защите. К таким лицам относятся, например, обвиняемые в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, которые подвергаются нападениям и убийствам со стороны других заключенных, воспринимающих их как опасных преступников.

Практика применения мер безопасности к обвиняемым через механизм Федерального закона № 119-ФЗ также имеет свои особенности и ограничения. Согласно ст. 2 данного Закона, меры государственной защиты могут быть применены в отношении подозреваемых и обвиняемых в той мере, в какой они способствуют предупреждению или раскрытию преступления, то есть по сути дела сотрудничают со следствием. Это означает, что обвиняемый, готовый к

сотрудничеству со следствием, может получить защиту уже на стадии досудебного производства, до заключения формального досудебного соглашения, однако лишь в том случае, если органы следствия признают такое сотрудничество целесообразным.

Важнейшим аспектом применения мер безопасности к обвиняемым является обеспечение баланса между их правами на защиту и интересами государства в защите общества. Брусницын Л.В. подчеркивает, что применение к обвиняемым мер безопасности, особенно связанных с изменением места жительства, выдачей новых документов и защитой личности, должно сопровождаться дополнительными гарантиями, поскольку такие меры могут существенно ограничивать право обвиняемого на защиту, создавая трудности для его адвоката в установлении контакта, получении инструкций и организации защиты. Автор предлагает ввести обязательное судебное санкционирование наиболее инвазивных мер безопасности в отношении обвиняемых, аналогично тому, как это сделано для мер пресечения в соответствии с ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 109 УПК РФ¹.

Координация применения мер безопасности между органами следствия, органами государственной защиты и администрацией мест содержания под стражей также представляет собой значительную проблему в практике досудебного производства. При содержании обвиняемого под стражей, с которым заключено досудебное соглашение и в отношении которого требуются меры безопасности, необходимо согласовать действия следственного органа с руководством учреждения, что не всегда происходит эффективно. Результатом такой координации становятся случаи, когда разглашаются сведения о сотрудничестве лица со следствием.

Таким образом, практика применения мер безопасности в отношении подозреваемых и обвиняемых на досудебной стадии уголовного процесса

¹ Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: научно-практическое пособие / Л. В. Брусницын. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 89.

основана на специальном правовом регулировании, сосредоточенном в ст. 317.9 УПК РФ, ФЗ-119 и ФЗ-103. Основным механизмом защиты обвиняемых является институт досудебного соглашения о сотрудничестве, который позволяет распространить на них комплекс мер государственной защиты. Однако практика применения этого механизма сталкивается с многочисленными проблемами: недостаточной осведомленностью следователей о возможностях защиты, сложностью процедур согласования, неполной защитой членов семьи, проблемами координации между органами. Совершенствование системы защиты обвиняемых требует: расширения круга лиц, имеющих право на защиту (не только сотрудничающих по досудебному соглашению); упрощения процедур назначения защиты.

§ 3. Анализ правоприменительной практики (по материалам территориального органа МВД России)

Анализ судебных решений, вынесенных по уголовным делам, расследованным следственными подразделениями территориальных органов МВД России и связанных с применением (либо отказом в применении) мер безопасности на досудебной стадии, позволяет выявить ряд устойчивых закономерностей процессуального характера. Рассмотренные приговоры и апелляционные постановления касаются, главным образом, дел о тяжких и особо тяжких преступлениях: незаконный оборот наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ), преступления против собственности (ст. 159, 160 УК РФ), коррупционные и должностные преступления (ст. 210, 294, 295, 296 УК РФ), преступления против общественной безопасности и порядка, в том числе экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ и др.).

В научной литературе неоднократно указывалось, что практическая реализация предусмотренных законом мер безопасности отличается фрагментарностью. Анализ приговоров подтверждает данную оценку: ссылки на ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а также на специальные нормы (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8

ст. 193, ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК РФ), в мотивировочной части встречаются, как правило, эпизодически и носят в основном декларативный характер. Суды, констатируя факт применения мер безопасности в ходе предварительного расследования (засекречивание данных о личности свидетелей, проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение, допрос в режиме видеоконференц-связи и др.), ограничиваются формулой о том, что «права сторон нарушены не были», не давая развернутой оценки обоснованности самих мер и соблюдения критериев «достаточности» угрозы, закрепленной в ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Показательным в этом отношении является апелляционное постановление Курского областного суда по жалобе обвиняемого на отказ следователя в обеспечении его безопасности. Из материалов следует, что заявитель первоначально допрашивался в качестве свидетеля по делу о клевете (ч. 5 ст. 128.1 УК РФ), в конце допроса заявил ходатайство об обеспечении собственной безопасности и безопасности членов семьи, далее был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ и привлечен в качестве обвиняемого. Ходатайство о применении мер безопасности следователь разрешил постановлением об отказе со ссылкой на положения ст. 317.9 УПК РФ, мотивируя тем, что с обвиняемым не заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Районный суд, а затем и областной суд, отказывая в удовлетворении жалобы, признали такой подход законным, указав, что заявитель лишь «высказывал предположения» о возможной угрозе, не будучи в состоянии назвать конкретные источники опасности, а потому оснований для применения мер по ч. 3 ст. 11 УПК РФ и Федеральному закону № 119-ФЗ не имелось¹.

Сопоставление этой практики с доктринальными подходами демонстрирует расхождение между теоретическими моделями и реальным правоприменением. Александрова Л.А. и Смирнов С.А., анализируя судебную практику, подчеркивают, что отсутствие в законе четких стандартов оценки

¹ Апелляционное Постановление Курского областного суда от 5 сентября 2022 г. № №22К-1210/2022. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026)

реальности угрозы и формализованных требований к мотивировке постановлений о применении (либо об отказе в применении) мер безопасности приводит к значительному разбросу решений при сходных фактических обстоятельствах. Аналогичную проблему фиксирует Осипов А.Ю. применительно к рассмотрению жалоб по ст. 125 УПК РФ: суды нередко подменяют проверку обоснованности бездействия следствия формальным указанием на «оценочный характер» полномочий следователя¹.

Вместе с тем анализ приговоров по ряду дел, расследованных территориальными органами МВД России (особенно по преступлениям, предусмотренным ст. 228.1, 210, 159, 160 УК РФ), свидетельствует о том, что процессуальные меры безопасности в отношении свидетелей и потерпевших применяются, как правило, в «типовых» ситуациях, связанных с организованным преступным сообществом или устойчивой группой. В этих делах суды описывают использование следующих процессуальных инструментов: засекречивание данных о личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), допрос свидетеля в судебном заседании с использованием видеоконференц-связи и голосового маскирования (по аналогии с ч. 5 ст. 278 УПК РФ), проведение закрытого судебного разбирательства (ч. 2 ст. 241 УПК РФ). При этом внепроцессуальные меры государственной защиты по ФЗ-119 в приговорах почти не конкретизируются. Максимум ограничиваются общей ссылкой на то, что «в отношении ряда свидетелей осуществлялись меры государственной защиты», без раскрытия их содержания и оснований.

Эта картина в целом подтверждает выводы Дзабиева У.К. о том, что на досудебной стадии правоохранные органы нередко воспринимают меры безопасности как вспомогательный элемент процессуального оформления доказательств (например, при допросе или опознании), а не как самостоятельную

¹ Осипов А.Л. Некоторые проблемы защиты конституционных прав личности при рассмотрении судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Вестник МГЮА. 2024. С. 19.

гарантию прав личности¹. Автор подчеркивает, что отсутствие в УПК РФ ясной регламентации обязанности следователя реагировать на угрозу уже на стадии приема и регистрации сообщения о преступлении, а также недостаточная детализация порядка взаимодействия со специализированными подразделениями, осуществляющими государственную защиту, приводят к тому, что меры безопасности используются преимущественно по инициативе участников, а не по собственной инициативе органов предварительного расследования. Материалы исследованных дел подтверждают: почти во всех случаях инициатором выступает сам участник (заявление о принятии мер, жалоба на отказ), тогда как самостоятельное выявление угрозы и инициирование защиты со стороны следствия – исключение.

Интересно сопоставить выявленные закономерности с результатами исследований Зарипова Ф.Ф., предлагающего рассматривать применение мер безопасности как четко структурированный алгоритм: от поступления информации об угрозе и ее проверки до вынесения мотивированного постановления и организации последующего контроля². В изученных судебных актах прослеживаются лишь отдельные элементы такого алгоритма. Так, описывается факт поступления заявления, иногда – проведение опроса заявителя, но блок, связанный с активной проверкой угрозы (анализ оперативной информации, оценка криминального окружения, документирование попыток давления и т.п.), практически не реконструируется в судебных решениях. Это дает основания согласиться с выводом о недостаточной «процедурной насыщенности» стадии принятия решения о применении мер безопасности.

Отдельное внимание заслуживает вопрос о соотношении уголовно-процессуальных мер безопасности и мер государственной защиты по

¹ Дзабиев У.К. Обеспечение прав участников досудебного производства при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий // Обеспечение прав участников досудебного производства в уголовном процессе: сборник научных трудов. 2023. С. 32.

² Зарипов Ф.Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 31-32

ФЗ-119. Как справедливо отмечает Александрова Л.А., на практике они зачастую воспринимаются как конкурирующие, а не взаимодополняющие инструменты, что ведет либо к дублированию, либо к отказу от обращения к одному из режимов защиты. Приведенное выше апелляционное постановление по жалобе обвиняемого ярко демонстрирует эту проблему: следователь ограничился ссылкой на специальную норму ст. 317.9 УПК РФ и не рассмотрел возможность применения механизмов ФЗ-119 к лицу, которое, будучи свидетелем, уже заявляло о необходимости защиты. Суды апелляционной инстанции такой формальный подход фактически легитимировали. Тем самым воспроизводится отмеченная в доктрине тенденция: защита в отношении подозреваемых и обвиняемых воспринимается как «исключение из правил», а не как элемент общей системы обеспечения безопасности всех участников процесса.

В ряде приговоров по делам, расследованным территориальными органами МВД России, прослеживается еще одна закономерность: меры безопасности применяются преимущественно в делах, где показания конкретного свидетеля или потерпевшего имеют ключевое значение для обвинения, тогда как в иных ситуациях, даже при наличии угроз, защита либо не инициируется, либо носит минимальный характер (ограничивается разъяснением права на обращение за государственной защитой). Данная избирательность, на которую указывают и исследователи, объективно снижает доверие к институту безопасности и создает риск того, что участники, не видящие реальной готовности государства обеспечить их защиту, будут воздерживаться от полного и правдивого содействия правосудию¹.

В целом анализ материалов правоприменительной практики территориального органа МВД России позволяет выделить следующие ключевые закономерности процессуального плана. Во-первых, меры безопасности на досудебной стадии применяются преимущественно в делах о тяжких и особо тяжких преступлениях и, как правило, носят точечный характер,

¹ Зайферт А.Ю. Особенности практики применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства в России // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 7(58). С. 485.

сосредоточиваясь на наиболее значимых для обвинения свидетелях. Во-вторых, доминируют именно уголовно-процессуальные меры (засекречивание данных, особенности допроса и опознания, закрытое заседание), тогда как инструменты государственной защиты по ФЗ-119 используются ограниченно и зачастую лишь формально упоминаются в судебных актах. В-третьих, решения об отказе в применении мер безопасности нередко мотивируются ссылкой на оценочный характер признака «реальности угрозы» при отсутствии стандартизированных подходов к его установлению, что корреспондирует с критикой доктрины в адрес действующей редакции законодательства¹. Наконец, в-четвертых, судебный контроль по ст. 125 УПК РФ в делах, связанных с безопасностью, в ряде случаев сводится к проверке формальной законности действий следствия, не затрагивая вопрос о достаточности и полноте предпринятых мер по защите участника.

Суммируя изложенное, можно заключить, что современная правоприменительная практика территориальных органов МВД России демонстрирует определенный потенциал института мер безопасности в досудебном производстве, но одновременно выявляет его уязвимые места: фрагментарность применения, формализм при оценке угроз, слабую интеграцию процессуальных и внепроцессуальных механизмов защиты, недостаточность судебного контроля. Эти тенденции в основном подтверждают критические выводы современной уголовно-процессуальной доктрины и свидетельствуют о необходимости дальнейшего нормативного и организационного совершенствования института мер безопасности, ориентированного на выработку единых стандартов установления угроз и процедурных алгоритмов реагирования на них в деятельности органов предварительного расследования.

¹ Калустова А.А. Меры обеспечения безопасности свидетелей в уголовном процессе // Юридический вестник. 2025. С. 3-4.

Глава 3. Проблемы и перспективы совершенствования мер безопасности на досудебной стадии

§ 1. Проблемы реализации мер безопасности в деятельности органов предварительного расследования

Анализ приговоров и апелляционных постановлений, вынесенных по уголовным делам, расследованным территориальными органами МВД России, в совокупности с доктринальными подходами позволяет констатировать наличие целого комплекса устойчивых проблем, связанных с реализацией мер безопасности на досудебной стадии. Эти проблемы затрагивают как нормативное содержание соответствующих институтов, так и практику их применения, включая характер процессуального мышления следователя и суда.

Прежде всего, обращает на себя внимание оценочный характер основания для применения мер безопасности. Ч. 3 ст. 11 УПК РФ оперирует категорией «достаточных данных» о наличии угрозы убийством, насилием, уничтожением имущества либо иными опасными деяниями, не раскрывая критериев такой «достаточности». В приговорах и апелляционных постановлениях эта формула воспроизводится без какой-либо конкретизации: суды ограничиваются указанием на то, что «данных о реальности угрозы не установлено», либо, напротив, констатируют наличие «достаточных оснований», не раскрывая, какие именно факты легли в основу вывода. Александрова И.В. справедливо указывает, что подобная неопределенность порождает широкий разброс правоприменительной практики и позволяет оправдать как отказ в защите при очевидной опасности, так и ее формальное предоставление при минимальных рисках¹. Рассмотренные дела подтверждают данный тезис: в одних случаях заявления об угрозах остаются по существу непроверенными, в других – меры

¹ Александрова И.В. Проблемы реализации мер безопасности участников уголовного судопроизводства в деятельности органов предварительного расследования // Вопросы криминологии, уголовного права и процесса. 2023. № 2 (45). С. 87.

безопасности фактически подменяют собой обычные организационные действия следствия.

Со сказанным тесно связана тенденция к формализму при оценке угроз и рассмотрении жалоб по ст. 125 УПК РФ. В ряде апелляционных постановлений суды, проверяя законность отказа следователя в применении мер безопасности, воспроизводят стандартную формулу о том, что «вопрос о наличии угрозы относится к сфере усмотрения органа расследования», тем самым фактически отказываясь от проверки обоснованности выводов следствия. Петров М.В. и Сущева А.О. подчеркивают, что подобная практика трансформирует судебный контроль в чисто формальную процедуру, не способную реально компенсировать злоупотребления или бездействие органов предварительного расследования¹. Материалы по делам, где обвиняемые оспаривали отказ в их защите, демонстрируют именно такую логику: суды признают законным отказ, ограничиваясь ссылкой на отсутствие «конкретизированных источников угрозы», хотя сама по себе абстрактность угроз далеко не всегда исключает их реальность.

Существенной проблемой является и избирательный характер применения мер безопасности. Анализ приговоров показывает, что процессуальные и иные меры защиты используются преимущественно по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, связанных с организованными преступными группами, незаконным оборотом наркотиков, коррупцией и насилием. При этом даже внутри этой категории дел меры безопасности распространяются, как правило, на ограниченный круг «ключевых» свидетелей и потерпевших, чьи показания имеют решающее значение для обвинения. В делах, где доказательственная база опирается на совокупность разнородных источников, обращения участников о применении мер безопасности зачастую остаются без удовлетворения либо ограничиваются разъяснением их прав. Храмцова Н.В. обоснованно отмечает,

¹ Петров М.В., Сущева А.О. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования: проблемы практики // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 1. С. 57.

что подобная селективность подрывает доверие к институту безопасности и формирует у участников восприятие защиты как «исключительной привилегии», а не как универсальной гарантии¹.

Не менее значимой проблемой является фактическая «непрозрачность» стадий проверки информации об угрозах и документирования оснований для применения мер безопасности. Как показывает анализ мотивировочных частей приговоров, суды, как правило, фиксируют лишь конечный результат (принято постановление о применении/об отказе), не реконструируя объем и характер проведенной следствием проверки. Грачева Л.Ю. и Сидорова Е.В. обоснованно подчеркивают, что отсутствие в законе и в правоприменительных актах детализированных процедурных шагов (опросы возможных источников угрозы, анализ оперативных сведений, оценка криминальной среды и т.п.) превращает стадию принятия решения в «черный ящик», где невозможно отследить ни полноту, ни беспристрастность проверки². В рассмотренных делах подобная «процедурная лакуна» проявляется в том, что суд ограничивается ссылкой на постановление следователя или справку органа защиты, не оценивая, насколько серьезно и всесторонне были исследованы доводы заявителя об опасности³.

Отдельную группу составляют организационно-управленческие и ресурсные проблемы реализации мер безопасности в деятельности территориальных органов МВД России. Из материалов уголовных дел усматривается существенная региональная дифференциация в возможностях применения как процессуальных, так и внепроцессуальных мер защиты. В одних субъектах активно используются видеоконференцсвязь, технические средства

¹ Храмцова Н.В. Доступность мер безопасности для участников уголовного процесса: современное состояние и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 108-125.

² См.: Грачева Л.Ю., Сидорова Е.В. Процедурные аспекты применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве // Судебная практика как источник права. 2023. № 5. С. 74-86.

³ Приговор Ахматовского районного суда Чеченской Республики от 10 декабря 2024 г. № 1-72/2024. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026); Приговор Котласского городского суда Архангельской области от 23 декабря 2021 г. № 1-55/2021. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026).

изменения голоса, специальные помещения для допроса защищаемых лиц, тогда как в других аналогичные меры подменяются «импровизированными» способами (использование масок, временное изменение маршрутов конвоирования и т.п.), что неизбежно отражается на качестве и надежности защиты. Указывается также на следственных подразделениях и на ограниченность взаимодействия с подразделениями, осуществляющими государственную защиту, что ведет к затягиванию сроков принятия решений и снижению мотивации следователей инициировать применение сложных мер.

Существенной проблемой, подтвержденной как анализом приговоров, так и научными исследованиями, является низкая степень учета психологического и социального измерения безопасности¹. В реальных делах меры сводятся, главным образом, к физической защите или процессуальному «скрытию» личности участника, тогда как вопросы психологической травматизации, социальной изоляции, утраты профессиональных и семейных связей по существу остаются за пределами внимания органов предварительного расследования. Хотя научная литература последних лет подчеркивает, что ощущение отсутствия поддержки со стороны государства и неопределенность будущего нередко воспринимаются участниками как не менее значимая угроза, чем физическое воздействие, следственная практика пока демонстрирует крайне узкое понимание целей и содержания безопасности.

Подводя итог, следует отметить, что выявленные проблемы реализации мер безопасности в деятельности органов предварительного расследования носят системный характер и проявляются на нескольких уровнях: от оценочной и фрагментарной нормативной регламентации до формализма судебного контроля, селективности применения и организационно-ресурсных ограничений. Совокупность указанных обстоятельств приводит к тому, что существующий

¹ Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 27 марта 2017 г. № 1-119/2017. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026); Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 24 марта 2025 г. № 1-2/2025. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026); Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 16 ноября 2022 г. № 1-410/2022. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026).

механизм обеспечения безопасности на досудебной стадии зачастую не достигает заявленных целей, оставаясь в значительной степени декларативным и зависящим от субъективного усмотрения конкретных должностных лиц.

§ 2. Пути совершенствования института обеспечения безопасности участников досудебного производства

Одним из ключевых направлений совершенствования видится уточнение и стандартизация основания для применения мер безопасности. Как показывают и судебная практика, и доктринальный анализ, категория «достаточных данных» о наличии угрозы, используемая в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, остается чрезмерно оценочной, что порождает разнотолкование и формализм при принятии решений. Очиров Д.Г. справедливо обращает внимание на то, что действующее законодательство фактически привязывает начало защитного процесса к уже материализовавшейся угрозе («реальной угрозе»), тогда как значительная часть посткриминального давления носит превентивный характер, не всегда выражаясь в деяниях, подпадающих под признаки преступления либо административного правонарушения¹. В этой связи представляется перспективным плавный переход от абстрактной формулы «достаточных данных» к более детализированным критериям: фиксации любых достоверно установленных обстоятельств, создающих риск причинения вреда, включая не только уголовно наказуемые посягательства, но и формы «пограничного» воздействия (анонимные угрозы, демонстративное слежение и т.п.).

С указанной проблемой тесно сопряжена задача процедурной формализации алгоритма принятия решений о применении мер безопасности. В научной литературе уже обоснована идея выделения в структуре защитного процесса поводов, оснований и условий применения мер, а также их нормативного описания в виде последовательных стадий проверки и оценки

¹ Очиров Д.Г. Совершенствование института применения мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие правосудию // Столыпинский вестник. 2021. С. 342.

угроз. Такой алгоритмический подход, разработанный, в частности, Зариповым Ф.Ф., позволяет минимизировать произвольное усмотрение следователя и обеспечить воспроизводимость решений в сходных ситуациях¹. Представляется целесообразным закрепление хотя бы в подзаконных актах (ведомственных инструкциях, методических рекомендациях) минимального набора действий, подлежащих совершению при поступлении заявления об угрозе: регистрацию обращения, опрос заявителя, анализ оперативной информации, при необходимости – взаимодействие с подразделениями, осуществляющими государственную защиту, и мотивированное письменное решение по результатам проверки.

Отдельного внимания заслуживает совершенствование процедурных гарантий при отказе в применении мер безопасности. Как показал анализ апелляционных постановлений, судебный контроль по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ нередко ограничивается формальной проверкой наличия постановления следователя и общих фраз о «реальности угрозы», без анализа полноты предпринятых действий и логики выводов². В литературе обоснованно выдвигается тезис о необходимости возложения на орган предварительного расследования процессуальной обязанности не только сослаться на отсутствие оснований, но и продемонстрировать, какие конкретно обстоятельства проверялись и почему они признаны недостаточными для начала защитного процесса.

Существенное направление развития института обеспечения безопасности связано с балансом процессуальных и внепроцессуальных (государственно-правовых) мер защиты. Меры безопасности, предусмотренные ФЗ-119, воспринимаются зачастую как «чрезвычайный» инструмент,

¹ Зарипов Ф.Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 32-33.

² Апелляционное Постановление Бакчарского районного суда Томской области от 23 апреля 2025 г. № 10-1/2025. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026); Апелляционное Постановление Курского областного суда от 5 сентября 2022 г. № №22К-1210/2022. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026)

применимый лишь в предельно резонансных делах, в то время как основная нагрузка перекладывается на ограниченный набор процессуальных средств. Между тем, как справедливо отмечает Курта А.В., именно сочетание процессуальных гарантий с мерами социальной поддержки позволяет сформировать подлинно безопасную среду для участников процесса¹. Видится целесообразным более тесное «стыкование» норм УПК РФ и положений ФЗ-119: через детальную регламентацию оснований направления материалов следователем в орган, осуществляющий государственную защиту, а также через включение в уголовно-процессуальные акты прямых отсылок к возможностям применения внепроцессуальных мер уже на стадии предварительного расследования.

Не может быть обойдена и проблема расширения и уточнения круга лиц, подлежащих защите. Обоснованно критикуется ограничение законодательного перечня лишь близкими родственниками, родственниками и близкими лицами, указывая, что фактическое давление нередко оказывается через более широкий социальный круг – коллег по работе, соседей и иных лиц, не подпадающих под формальные дефиниции. Аналогичные выводы содержатся в исследованиях, посвященных гарантиям применения мер безопасности и уточнению понятия «защищаемое лицо». В этом контексте важным направлением совершенствования можно считать постепенное смещение акцента с формально-родственных критериев к фактической связи лица с участником процесса и реальной уязвимости перед возможным давлением. Такая переориентация может быть достигнута прежде всего на уровне разъяснений и правоприменительных подходов (включая позиции высших судебных инстанций), не требуя немедленного кардинального изменения текстов законов.

Особое значение для досудебного производства имеет уточнение механизмов защиты подозреваемых и обвиняемых, в том числе сотрудничающих со следствием. В научной дискуссии подчеркивается, что привязка ст. 317.9

¹ Курта А.В. Гарантии применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства // Научный альманах. 2023. С. 45.

УПК РФ исключительно к формализованному досудебному соглашению о сотрудничестве неоправданно сужает возможности обеспечения безопасности лиц, объективно находящихся в зоне повышенного риска. Перспективным представляется распространение в правоприменительной практике подхода, при котором положения о государственной защите и ч. 3 ст. 11 УПК РФ толкуются системно, исходя из критерия угрозы, а не из формального статуса или наличия соглашения. Речь идет не о «новой категории» защищаемых лиц, а о признании за подозреваемыми и обвиняемыми, дающими показания о соучастниках, коррупционных связях или иных опасных обстоятельствах, права на обращение за мерами безопасности на тех же общих основаниях, что и за свидетелями и потерпевшими¹.

Не менее важным направлением выступает организационное и методическое укрепление деятельности территориальных органов МВД России в сфере обеспечения безопасности участников досудебного производства. Исследования показывают, что эффективность применения мер безопасности во многом зависит не только от текста закона, но и от уровня подготовленности должностных лиц, наличия четких внутренних стандартов реагирования, а также от взаимодействия с органами, реализующими государственную защиту. В этом ракурсе особое значение приобретают утвержденные государственные программы обеспечения безопасности защищаемых лиц, ориентирующие деятельность органов внутренних дел на достижение конкретных результативных показателей в части предотвращения посягательств и недопущения гибели защищаемых лиц. При условии их реального наполнения ресурсами такие программы могут стать инструментом сглаживания региональной дифференциации в возможностях территориальных

¹ Волков А.П. Защита подозреваемых и обвиняемых, находящихся в условиях повышенного криминального риска, на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2024. С. 46-49.

подразделений и стимулировать повседневное использование всего спектра предусмотренных законом мер¹.

Наконец, представляется оправданным акцентирование психологического и социального измерения безопасности. Как подчеркивается в работах о гарантиях применения мер безопасности, само по себе физическое ограждение лица от источника угрозы не устраняет риски, связанные с его последующей социальной дезадаптацией, чувством беззащитности и недоверием к органам правопорядка. Для досудебной стадии, когда участник еще только принимает решение о степени своего содействия следствию, наличие предсказуемых и понятных механизмов не только правовой, но и психологической поддержки нередко становится определяющим фактором.

Таким образом, пути совершенствования института обеспечения безопасности участников досудебного производства во многом лежат в плоскости уже существующих конструкций: конкретизации критериев угрозы и оснований для применения мер; алгоритмизации процедур принятия решений; более тесной стыковки процессуальных и внепроцессуальных средств защиты; гибкого подхода к определению круга защищаемых лиц, включая подозреваемых и обвиняемых; а также организационного и психологического сопровождения защитного процесса.

§ 3. Зарубежный опыт применения аналогичных мер безопасности и возможность его адаптации в Российской Федерации

Сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства показывает, что при различных правовых традициях и институциональных построениях государства сталкиваются с во многом схожими вызовами: угрозами для свидетелей и потерпевших, давлением на подозреваемых и обвиняемых, участвующих в

¹ Гапонова В.Н. К вопросу о реализации института государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Юридический журнал. 2023. С 110-116.

раскрытии организованных преступлений, а также необходимостью соблюдения баланса между эффективностью уголовного преследования и гарантиями прав личности. В этом контексте опыт США, Италии, Германии, а также отдельных государств постсоветского пространства представляет особый интерес для оценки возможности его адаптации к российским реалиям досудебного производства.

Американская модель государственной защиты свидетелей традиционно рассматривается в доктрине как одна из наиболее развитых и обеспеченных. Программа WITSEC, созданная на основе Закона о борьбе с организованной преступностью 1970 г. и реализуемая Службой маршалов США, сочетает в себе комплексное изменение жизненной ситуации защищаемого лица: смену места жительства, документов, иногда – профессии, долговременное сопровождение и материальную поддержку. Надараиа З.Г. подчеркивает, что высокий уровень институциональной автономности подразделений, отвечающих за защиту свидетелей, и их непосредственная координация с федеральными правоохранительными органами обусловили значительный криминологический эффект, прежде всего в борьбе с организованной преступностью¹. В то же время исследователь справедливо указывает на крайне высокую стоимость программы и жесткие критерии отбора бенефициаров, что делает ее малоприменимой как «массовый» механизм защиты в делах обычной преступности.

Итальянский опыт нередко рассматривается как пример «целевой» модели защиты лиц, сотрудничающих с правосудием. Специализированный институт так называемых *pentiti* – бывших членов мафиозных структур, заключивших сделку с государством и дающих изобличающие показания, был сформирован именно как ответ на вызовы, связанные с мафией и крупными коррупционными делами. Программа защиты в Италии включает не только меры безопасности (переселение, смену личности, физическую охрану), но и элементы поощрения в виде существенного смягчения наказания. Колядина А.В., анализируя

¹ Надараиа З.Г. Криминологические аспекты института защиты свидетелей // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 2. С. 55-56.

итальянскую модель, указывает на ее двойственный характер: с одной стороны, именно она позволила сломать «кодекс молчания» в среде организованной преступности, с другой – породила дискуссии о допустимой степени «торга» с обвиняемым и рисках злоупотребления статусом защищаемого свидетеля¹. Для российской правовой системы подобная связка защиты с широкой договорной активностью государства в уголовном процессе представляется ограниченно применимой, прежде всего ввиду иной концепции досудебного соглашения и более сдержанного отношения к институтам сделок.

Немецкий подход традиционно характеризуется как более «социально-правовой» и институционально встроенный в общую систему публичной администрации. После принятия специального Закона о защите свидетелей в 1998 г. вопросы обеспечения безопасности были увязаны не только с уголовно-процессуальными, но и с нормами о регистрации по месту жительства, выдаче документов, социальном обеспечении и налоговом регулировании. Программы защиты реализуются специальными бюро на федеральном и земельном уровнях; акцент делается на индивидуальной оценке риска, пропорциональности вмешательства и обеспечении прав обвиняемого с учетом стандартов Европейского суда по правам человека, в частности при использовании анонимных свидетельских показаний. Российская доктрина, оценивая немецкую модель, положительно воспринимает именно ее «вшитость» в систему общего административного и социального права, но указывает на высокие требования к межведомственному взаимодействию и информационной инфраструктуре, которые пока реализованы в РФ лишь частично.

Показательно, что и в зарубежной, и в российской литературе внимание уделяется не только защите свидетелей и потерпевших на свободе, но и специфике обеспечения безопасности лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказание. Коваленко В.И. и Данилина Ю.В. обращают внимание на то, что в ряде государств (в том числе в США и Германии) в программы

¹ Колядина А.В. Проблемы защиты свидетелей в зарубежных странах // Магистр. 2020. № 3. С. 92-93.

защиты включаются осужденные, дающие изобличающие показания в отношении организованных преступных группировок, причем меры безопасности в отношении них реализуются как в пенитенциарной системе, так и вне ее. Российский опыт, по их мнению, пока недостаточно учитывает зарубежную практику комплексной защиты такой категории свидетелей, особенно в части сочетания мер изоляции, стимулирующего смягчения наказания и последующей социальной адаптации.

Зарубежный опыт государств континентальной Европы показывает, что наряду с институционально обособленными программами защиты все большее значение приобретают процедурные меры на досудебной и судебной стадиях, направленные на снижение риска для участников без кардинального вмешательства в их социальный статус. К их числу относят допросы с использованием видеоконференцсвязи, изменение тембра голоса и изображения, частичную анонимизацию данных, ограничения на разглашение информации о месте жительства и работе свидетеля, возможность дистанционного участия из безопасного места. Эти средства активно применяются, например, в Германии и Италии и все шире – в государствах СНГ, где полноценные программы по типу WITSEC либо отсутствуют, либо реализуются в ограниченном объеме.

Среди стран постсоветского пространства особый интерес представляет Казахстан, законодательство которого предусматривает расширенный набор мер защиты как в общем уголовном процессе, так и в пенитенциарной сфере. Анализируя положения Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан и практику реализации программ защиты, Коваленко В.И. отмечает, что, несмотря на близость правовой традиции, казахстанская модель демонстрирует более последовательную интеграцию институтов государственной защиты в деятельность учреждений, исполняющих наказание, включая перевод осужденных-свидетелей в другие учреждения, их раздельное

содержание и меры по обеспечению конфиденциальности¹. Для России этот опыт показателен прежде всего тем, что демонстрирует реальность адаптации сложных защитных механизмов в условиях сходной правовой системы и ограниченных ресурсов.

Российская доктрина в целом позитивно оценивает потенциал заимствования отдельных элементов зарубежных моделей, но подчеркивает недопустимость прямой «трансплантации» институтов без учета национального контекста. Колядина А.В. указывает, что попытки механического переноса американской программы WITSEC в российские условия наталкиваются не только на финансовые ограничения, но и на различия в структуре преступности, степени централизации правоохранительной системы и уровне доверия к государству. Надараиа З.Г., акцентируя внимание на криминологическом эффекте института защиты свидетелей в США и ряде европейских стран, в то же время предостерегает от игнорирования рисков злоупотребления статусом защищаемого лица и угрозы произвольного ограничения принципа гласности правосудия.

В этой связи в современной российской литературе вырабатывается концепция «точечной адаптации» зарубежного опыта, предполагающая заимствование не целостных моделей, а отдельных, наиболее эффективных и совместимых с отечественной правовой системой элементов. К числу таких элементов относят: разработку унифицированных методик оценки риска для участников процесса на досудебной стадии (по аналогии с используемыми в ФРГ и США шкалами риска); расширение возможностей дистанционного участия свидетелей в следственных действиях и судебных заседаниях; более широкое использование конфиденциальных каналов связи и псевдонимизации данных; институциональное укрепление специализированных подразделений, отвечающих за защиту свидетелей, в структуре органов внутренних дел и

¹ Коваленко В.И., Данилина Ю.В. Отечественный и зарубежный опыт государственной защиты свидетелей, находящихся в местах лишения свободы // Вопросы российского и международного права. 2024. № 9. С. 64-65.

пенитенциарной системы. При этом подчеркивается, что такие элементы могут быть встроены в уже существующую в РФ модель государственной защиты без ее радикальной перестройки.

Зарубежная практика также показывает, что важным компонентом эффективной защиты является межведомственная координация и четкое распределение компетенций между органами, осуществляющими уголовное преследование, и структурами, ответственными за реализацию защитных мер. В этом аспекте как немецкая, так и итальянская модели демонстрируют высокую степень схожести уголовно-процессуальных и административных процедур, тогда как российская система, по оценке отечественных исследователей, по-прежнему страдает от фрагментарности и ведомственной разобщенности. Использование зарубежных наработок в части регламентации межведомственных соглашений, обмена информацией и стандартизации процедур могло бы способствовать более эффективному применению уже предусмотренных российским законодательством мер безопасности на досудебной стадии.

Обобщая рассмотренный зарубежный опыт, можно констатировать, что для российской правовой системы наибольший интерес представляют не «экстремальные» модели полноценной смены личности и пожизненной релокации свидетелей, характерные прежде всего для США, а более «мягкие» и гибкие инструменты континентальной Европы и государств СНГ, направленные на снижение риска для участников процесса при сохранении их социальной идентичности и разумного баланса прав сторон. Потенциал их адаптации в РФ заключается преимущественно в развитии процедурных гарантий на досудебной стадии, совершенствовании механизмов защиты свидетелей и обвиняемых, содержащихся под стражей, а также в институциональном укреплении специализированных подразделений, отвечающих за реализацию мер безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев выпускную квалификационную работу на тему: «Становление института государственной защиты в России, перспективы развития (по материалам территориального органа внутренних дел)», были сделаны следующие выводы:

1. Современная уголовно-процессуальная доктрина характеризуется наличием полифонии научных подходов к определению понятия и классификации мер безопасности в уголовном процессе. Однако наблюдается четкая тенденция к формированию единого интегрального понимания этого правового института, которое объединяет процессуально-ориентированный и материально-правовой аспекты защиты участников судопроизводства. Наиболее эффективной и практически применимой является трехосновная классификация, учитывающая юридическую природу мер, стадии их применения и объект защиты, дополненная анализом степени интенсивности и характера воздействия на охраняемые интересы.

2. Система нормативно-правового регулирования мер безопасности на досудебной стадии уголовного процесса характеризуется наличием нескольких уровней регулирования: конституционного, уголовно-процессуального и специального законодательства о государственной защите. Интеграция этих уровней создает сложную, но необходимую архитектуру защиты участников уголовного процесса. Однако современное законодательство содержит ряд пробелов и неясностей, которые требуют дальнейшего совершенствования.

3. Институт гарантий прав участников уголовного судопроизводства при применении мер безопасности носит комплексный характер и включает конституционные, уголовно-процессуальные и специальные законодательные элементы. Современная доктрина движется в направлении усиления процедурных и судебных гарантий, призванных минимизировать риски произвольного ограничения прав личности под предлогом обеспечения безопасности. При всей неоднородности научных подходов прослеживается

общая тенденция: признание необходимости четкого нормативного регламентирования оснований и порядка применения мер безопасности, усиление судебного контроля за самыми «чувствительными» из них, а также недопущение ситуации, при которой защита свидетелей и потерпевших оборачивается фактическим ослаблением права обвиняемого на защиту.

4. Практика применения мер безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии свидетельствует о том, что существующая система защиты основана на сочетании процессуальных норм, закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, и специального законодательства в лице Федерального закона № 119-ФЗ. Несмотря на наличие достаточной законодательной базы, практика применения этих мер сталкивается с многочисленными проблемами: отсутствием единых критериев оценки угроз, неравномерностью применения различных защитных мер, проблемами координации между органами, техническое неравенство в разных регионах, а также отсутствием систем оценки эффективности.

5. Практика применения мер безопасности в отношении подозреваемых и обвиняемых на досудебной стадии уголовного процесса основана на специальном правовом регулировании, сосредоточенном в ст. 317.9 УПК РФ, Федеральном законе № 119-ФЗ и Федеральном законе № 103-ФЗ. Основным механизмом защиты обвиняемых является институт досудебного соглашения о сотрудничестве, который позволяет распространить на них комплекс мер государственной защиты. Однако практика применения этого механизма сталкивается с недостаточной осведомленностью следователей о возможностях защиты, сложностью процедур согласования, неполной защитой членов семьи, проблемами координации между органами. Совершенствование системы защиты обвиняемых требует: расширения круга лиц, имеющих право на защиту и упрощения процедур назначения защиты.

6. Современная правоприменительная практика территориальных органов МВД России демонстрирует определенный потенциал института мер безопасности в досудебном производстве, но одновременно выявляет его

уязвимые места: фрагментарность применения, формализм при оценке угроз, слабую интеграцию процессуальных и внепроцессуальных механизмов защиты, недостаточность судебного контроля. Эти тенденции в основном подтверждают критические выводы современной уголовно-процессуальной доктрины и свидетельствуют о необходимости дальнейшего нормативного и организационного совершенствования института мер безопасности/

7. Выявленные проблемы реализации мер безопасности в деятельности органов предварительного расследования носят системный характер и проявляются на нескольких уровнях: от оценочной и фрагментарной нормативной регламентации до формализма судебного контроля, селективности применения и организационно-ресурсных ограничений.

8. Пути совершенствования института обеспечения безопасности участников досудебного производства во многом лежат в плоскости уже существующих конструкций: конкретизации критериев угрозы и оснований для применения мер; алгоритмизации процедур принятия решений; более тесной стыковки процессуальных и внепроцессуальных средств защиты; гибкого подхода к определению круга защищаемых лиц, включая подозреваемых и обвиняемых; а также организационного и психологического сопровождения защитного процесса.

9. Для российской правовой системы наибольший интерес представляют не «экстремальные» модели полноценной смены личности и пожизненной релокации свидетелей, характерные прежде всего для США, а более «мягкие» и гибкие инструменты континентальной Европы и государств СНГ, направленные на снижение риска для участников процесса при сохранении их социальной идентичности и разумного баланса прав сторон. Потенциал их адаптации в РФ заключается преимущественно в развитии процедурных гарантий на досудебной стадии, совершенствовании механизмов защиты свидетелей и обвиняемых, содержащихся под стражей, а также в институциональном укреплении специализированных подразделений, отвечающих за реализацию мер безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – №. 27. – Ст. 4196.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – №. 25. – Ст. 2955.

3. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 августа 2004 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – №. 15. – Ст. 1796.

4. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 марта 1995 г. – 1995. – №. 31. – Ст. 2795.

5. Постановление Правительства РФ от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024-2028 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 37. – Ст. 5864.

6. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 1995 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Александрова, И. В. Проблемы реализации мер безопасности участников уголовного судопроизводства в деятельности органов предварительного расследования / И. В. Александрова // Вопросы криминологии, уголовного права и процесса. – 2023. – № 2 (45). – С. 85-97.

2. Александрова, Л. А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: проблемы правоприменения / Л. А. Александрова, С. А. Смирнов. – 2022. – С. 138-145.

3. Брусницын, Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: научно-практическое пособие / Л. В. Брусницын. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 148 с.

4. Брусницын, Л. В. Процессуальные меры безопасности в уголовном судопроизводстве и практика их применения / Л. В. Брусницын // Российский следователь. – 2023. – № 4. – С. 42-48.

5. Волков, А. П. Защита подозреваемых и обвиняемых при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений / А. П. Волков // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3. – С. 40-52.

6. Гапонова, В. Н. К вопросу о реализации института государственной защиты участников уголовного судопроизводства / В. Н. Гапонова // Юридический журнал. – 2023. С. 34-38.

7. Гаужаева, В. А. Нормативно-правовое регулирование государственной защиты участников уголовного судопроизводства в досудебном производстве / В. А. Гаужаева, В. М. Сафронов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 18-28.

8. Гаужаева, В. А. Практические проблемы применения мер безопасности в досудебном производстве / В. А. Гаужаева, В. М. Сафронов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 22-29.

9. Гаужаева, В. А. Государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: соотношение процессуальных и внепроцессуальных мер / В. А. Гаужаева, В. В. Царева // Уголовная юстиция. – 2023. – № 6. – С. 164-178.

10. Глухова, К. С. Конституционные основы безопасности участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии / К. С. Глухова // Вестник Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – № 2. – С. 110-125.

11. Глухова, К. С. Применение мер безопасности к членам семьи подозреваемых и обвиняемых при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / К. С. Глухова // Вестник Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 110-122.

12. Грачева, Л. Ю. Процедурные аспекты применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве / Л. Ю. Грачева, Е. В. Сидорова // Судебная практика как источник права. – 2023. – № 5. – С. 74-86.

13. Дзабиев, У. К. Обеспечение прав участников досудебного производства при использовании результатов оперативно-розыскных мероприятий / У. К. Дзабиев // Обеспечение прав участников досудебного производства в уголовном процессе: сборник научных трудов. – 2023. – С. 31-38.

14. Зайферт, А. Ю. Особенности практики применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства в России / А. Ю. Зайферт // Аллея науки. – 2021. – Т. 1. – № 7 (58). – С. 483-488.

15. Зарипов, Ф. Ф. Понятие, виды и алгоритм применения мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства / Ф. Ф. Зарипов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 29-35.

16. Коваленко, В. И. Отечественный и зарубежный опыт государственной защиты свидетелей, находящихся в местах лишения свободы / В. И. Коваленко, Ю. В. Данилина // Вопросы российского и международного права. – 2024. – № 9. – С. 60-65.

17. Калустова, А. А. Меры обеспечения безопасности свидетелей в уголовном процессе / А. А. Калустова // Юридический вестник. – 2025. – С. 3-8.

18. Карягина, О. В. Система гарантий защиты свидетелей в уголовном процессе: проблемы теории и практики / О. В. Карягина // Российская юстиция. – 2023. – № 11. – С. 30-39.

19. Колядина, А. В. Проблемы защиты свидетелей в зарубежных странах / А. В. Колядина // Магистр. – 2020. – № 3. – С. 90-95.

20. Курта, А. В. Гарантии применения мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства / А. В. Курта // Научный альманах. – 2023. – № 12. – С. 4-10.

21. Латыпов, В. С. Обеспечение уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия / В. С. Латыпов // Научный портал МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 71-78.

22. Надараиа, З. Г. Криминологические аспекты института защиты свидетелей / З. Г. Надараиа // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 5-15.

23. Осипов, А. Л. Некоторые проблемы защиты конституционных прав личности при рассмотрении судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ / А. Л. Осипов // Вестник МГЮА. – 2024. – С. 17-22.

24. Петров, М. В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования: проблемы практики / М. В. Петров, А. О. Сущева // Российский журнал правовых исследований. – 2024. – Т. 11. – № 1. – С. 52-68.

25. Прохорова, Т. Л. Меры безопасности в уголовно-процессуальном праве и фактические основания их применения / Т. Л. Прохорова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 567-569.

26. Попов, В. Л. Классификация мер безопасности, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства /

В. Л. Попов // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 53-62.

27. Сукиасян, В. О. Меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства по уголовно-процессуальному законодательству / В. О. Сукиасян, А. Хачатрян // Шестнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть I. – 2024. – № 1. – С. 167-176.

28. Табаков, С. А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в условиях реализации фундаментальных положений судебного разбирательства / С. А. Табаков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (78). – С. 63-68.

29. Устинов, Д. С. Особенности обеспечения права обвиняемого на защиту при реализации мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства / Д. С. Устинов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 4 (147). – С. 126-133.

30. Храмцова, Н. В. Доступность мер безопасности для участников уголовного процесса: современное состояние и перспективы развития / Н. В. Храмцова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 4. – С. 108-125.

31. Янин, С. А. К вопросу о понятии и видах мер обеспечения безопасности в российском уголовном судопроизводстве / С. А. Янин, Е. А. Тришкина // Современные проблемы противодействия преступности: Всероссийская научно-практическая конференция, Волгоград, 22–23 июня 2010 года. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – С. 364–374.

III. Эмпирические материалы

1. Апелляционное Постановление Бакcharского районного суда Томской области от 23 апреля 2025 г. № 10-1/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.01.2026).

2. Апелляционное Постановление Курского областного суда от 5 сентября 2022 г. № №22К-1210/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026)

3. Приговор Ахматовского районного суда Чеченской Республики от 10 декабря 2024 г. № 1-72/2024. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

4. Приговор Котласского городского суда Архангельской области от 23 декабря 2021 г. № 1-55/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

5. Приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 27 марта 2017 г. № 1-119/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

6. Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 24 марта 2025 г. № 1-2/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

7. Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 16 ноября 2022 г. № 1-410/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

8. Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 8 октября 2020 г. № 1-103/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

9. Приговор Юргинского городского суда Кемеровской области от 30 апреля 2025 г. № 1-95/2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

10. Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области от 25 марта 2024 г. № 1-3/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником.
Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну.

М.С. Рогатин